

P2

M 14

ВЗМАХ
КРЫЛА

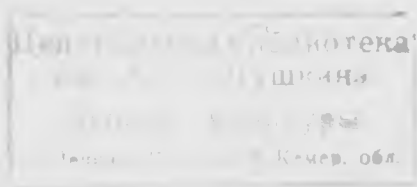


Табер
Найский



Павел Майский

ВЗМАХ
КРЫЛА



Кемеровское
книжное издательство

1967

Павел Майский родился в 1937 году на прииске «Центральный рудник» Кемеровской области.

По специальности он — доменщик. Окончив Сибирский металлургический институт, работает в доменном отделе Сибирского Гипромеза конструктором.

Первое стихотворение опубликовано в 1958 году. С его стихами можно познакомиться в коллективных сборниках «Признание», «Второе призвание», «День поэзии» (Кемерово), в журналах «Смена», «Простор», в газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса».

ОТЕЦ

— Отец, ты посмотри в зачетку —
По всем предметам сдал досрочно...
А он всю радость мне зачеркивал:
— Эх, ты... По сопромату — тройка...
— Отец, диплом! Учебе — крышка!
Я инженер, отец, — с приветом!..
А он: — Смотри, какая приткость,
Все на завод, а ты — в проектный?..
— Отец, женюсь! Мы с ней на почве
Любви и полного доверия...
А он: — Ты только, парень, вот что —
Девчонке жизнь не исковеркай...
Все было так. Я лично сам
Все это в самом деле пережил...
Но только не было отца —
Он пал под Ржевом в сорок первом.

ГОРНОВОЙ

Во всем, как дома,
Он был уверен.
Питала домна
К нему доверие:
К большому, прочному,
К работе жадному,
В спецовке войлочной
Цвета ржавчины...
Но как-то домна
Шла с перекосом.
Швыряла долго
Горячим коксом.
И отступили,
Борьбой измученные,
Обессиленные
Его подручные.
А он, какой-то
Невозгораемый,
В огне спокойно
С ней разговаривал.
То злил, вонзая
Ей пику в горло,

И шлак слезами
Катил из горна,
То слушал долго
Ее как доктор,
И кислорода
Давал ей вдоволь...
Она мучительно
Шла на поправку,
А он подсчитывал
Потери в плавке.
И шел, огромный,
Огню навстречу,
Готовый домну
Взвалить на плечи,
Готовый сдвинуть
Ковши рукой...
Мы все завидовали
Любви такой!

КОНСТРУКТОРЫ

Исходящие и входящие,
Постороннему не говорящие
Ни о чем,
Письма странного содержания,
Сообщающие про то,
Что решили расширить здание
На отметке двенадцать-сто.
Постороннему это — сухо,
Постороннему это — скука,
Канцелярская инструкция...
А для нас — это победа
А для нас — это жизнь конструктора.
Мы работали без обедов,
Мы искали в своих расчетах,
Чертежах, эскизах, моделях
Непредвиденные просчеты,
Нераспознанные пробелы...
И вот так получилось сухо
В исходящем от нас письме.
А прораб улыбается скупой,
Грубым пальцем тычет в размер:
— Молодцы, ребята, — расширили!

Риск, конечно, но смысл — бесспорен...
Мы опять на работе спорим,
Составляем письмо про то,
Что вторично, в разрез с заданием,
Мы еще расширяем здание
На отметке двенадцать-сто.
И опять получается сухо:
...В соответствии с ранее сказанным...
Видно, все-таки у конструкторов
Языки к чертежам привязаны!

ИЗЫСКАТЕЛЬ

Спит поселок ведомства лесного...
Но, рюкзак подправив за спиной,
Торопливо он поселок снова
По тропе обходит стороной.
Пронесется над тропой тревожно
Болтовня испуганных сорок,
А его характер невозможный
Все уводит дальше от дорог.
А когда косматое светило
Разольет победный утра свет,
На траве проявится пунктирный,
Сапогами выведенный след.
Он тогда присядет на валежник
И на карте, там, где сам прошел,
Как нашедший новый штрих художник,
Что-то проведет карандашом...
И опять упрямо зашагает
В царство неразведанной тайги...
А потом здесь поезд сосчитает
Шпалами отбитые шаги!

* * *

Все одинаковы в больницах...
Тогда, в курилке онкологии,
Я изучил по бледным лицам
И дарвинизм, и психологию.
Неважно, кто и где трудился,
Кто умный был, а кто — дурак,
Все ждали, чтоб не подтвердился
Анализ, сделанный на рак.
И очень многие мужчины
Там узнавали цену дружбе,
Забыв про личные машины
И расстояние по службе.
Там вспоминали только близких,
Любимых, честных и простых...
Там помогали ставить клизмы
И перематывать бинты...
А где-то в «преды» лезли «замы»,
Сводили мелочные счета,
А где-то выходили замуж
Не по любви, а по расчету,
В надежде без труда заполнить
И дом, и душу бараклом...

Тогда, в курилке, я запомнил,
Как тяжело идти на слом,
Когда любимые ладони
В холодном санпропускнике
Не лягут, пахнувшие домом,
На обессиленной руке...
О, как нелепы там, в больницах,
Дешевый блеск и суета!
Там все — актеры за кулисами,
Когда окончился спектакль,
Когда ушел последний зритель
И яркий свет погас над сценой...
Я многому тогда, в курилке,
Поставил истинную цену!

АМУРСКАЯ ИСТОРИЯ

*Кате Скуратовой, стюардессе
Хабаровского аэропорта*

На Амуре, возле дебаркадера,
Загорая на песчаном скате,
На основе пляжной демократии
Я на «ты» разговорился с Катей.
Три часа знакомства — это много.
Если говорить начистоту,
За такой период даже можно
Загореть спине и животу,
Рассказать, что я в Сибири с детства,
Здесь — в командировке нахожусь,
Выяснить, что Катя — стюардесса
И что я в пилоты не гожусь...
По волнам скользили теплоходы,
Разрезая тень от облаков.
Катя засмеялась: — Ты попробуй...
Искупись... Может, глубоко? —
Я — таежный парень от природы,
Ощущать привык ногами дно,
Но нырнул бесшумно и проворно,

Как самоубийца за окно.
Я тонул по правилам науки:
Ноги вниз, снаружи две руки.
Так, как я, конечно, если нужно,
Перетонут все сибиряки.
Как она меня тогда спасала,
И откуда силы набралась?
А когда спасла, тогда сказала:
— Не умеешь плавать, так не лазь.
На Амуре сильное течение,
Нужно плыть всегда наискосок...
А потом хрустели мы печеньем
Да тянули виноградный сок.
И она, ресниц не поднимая,
Вдруг сказала: — Много чудачков...
Но теперь я, в общем, понимаю
Гордость коренных сибиряков.

* * *

Иные пишут письма длинные,
Событья взвешивши грамм в грамм,
А я стою за бланки синие
Простых и срочных телеграмм.
В них сообщают все правдиво,
Не тратят слов на пустяки.
И мне они необходимы,
Необходимы, как стихи!

* * *

Приветствую,
 приветствую,
 приветствую
Простое утро в маковом качанье!
Как хорошо умытым и проветренным
От комнат, как от пристани, отчаливать.
Идти куда-то, что-то говорить,
Привычно делать начатое ранее,
И утра необъятный габарит
Соизмерять своей обычной радостью.
Дышать одним из миллионов ртом
И щуриться от солнечного света...
Как много счастья кроется в простом
Сознание, что проснулся Человеком!

* * *

Каждым утром по нашему городу,
Проверяя асфальт клюкой,
По-слепому откинув голову,
На работу идет слепой.
Он шагает навстречу солнцу,
Улыбается и молчит...
И рябое лицо, как подсолнух,
Жадно впитывает лучи!

* * *

Когда вы совершите подлость
И в воду спрячете концы,
Вас всюду, рано или поздно,
Найдут другие подлецы.
Они расправят ваши плечи
И не оставят вас в беде.
Им тоже с вами станет легче
Среди порядочных людей.
И вас судить никто не будет,
Надежно спрятаны концы...
Вот отчего сгорают люди
И процветают подлецы.

* * *

Холодному ветру навстречу лечу
По белому-белому горному снегу...
И кажется мне: я скольжу по лучу,
От самого солнца, откуда-то с неба!
Я спусков пологих искать не хочу,
Врезаются в снег мои старые лыжи...
Чем ветер сильней, чем сильнее лечу,
Тем снова подняться мне хочется выше!

- 50803 -

Центральная библиотека
им. А. С. Пушкина
Дворца культуры
г. Троицк Кемеровской обл.

* * *

Роману Солнцеву

Он стоит, математик,
У окна в полутьме.
Пожилой, неженатый,
С головою, как мел...
А за окнами — сыро,
Шёпот девичьих губ
И зеленые цифры
На свинцовом снегу...
Брось ряды, математик,
Ни черта не считай,
Не ходи как лунатик —
Детектив почитай!
Для чего этот вечер,
Этот тлеющий снег?
Для чего бесконечность?
Бесконечного нет.
И ряды, математик,
Автоматам нужны.
Для чего автоматы,
Если нету жены?

Стены ходят по кругу...
Математик устал.
Стонут девичьи губы
На любимых устах!
Он не дрогнет...
Он курит...
Но табак, как трава.
А соседи на кухне
Пьют второй самовар.

КОЛЕСО

Колесо этой старой мельницы
Лопастями вросло в песок.
Мне не верится, что не вертится
Это самое колесо.
Здесь когда-то ходили лешие.
Мы своими ушами слышали.
По ночам они звезды вешали
Над соломенными крышами.
Здесь летали ведьмы на вениках,
Заметая свои следы.
Хохотал над ними, над ведьмами,
Старый филин на все лады.
Здесь русалки венки сплетали.
Водяные запруды штопали...
Здесь деревья цвели цветами
И о чем-то шептались шепотом...
А над всем этим дико ухало,
Перемалывая песок,
Острозубое, толстобрюхое
Всемогущее Колесо!
Это было. Мы видели... Слышали...

Та же мельница.
Тот же песок.
Но прибили антенны над крышами
И скворешник на колесо.

* * *

Мне как-то осенью спокойней.
И я ничуть не удивлен
Тем, что ко мне на подоконник
Одежды сбрасывает клен.
Хоть листья, сорванные ветром,
Никто не станет подбирать,
Он оголяется до веток:
Уж помирать так помирать!
Тут ни при чем возможный насморк
И пользы нет от красоты —
Готовы ветви биться насмерть,
А корни — обеспечить тыл!
Пусть битва будет длиться долго,
Но он спокоен оттого,
Что нет ответственнее долга,
Чем тот, что выпал для него!
И я спокоен. Я уверен
В том, что достаточно силен,
Чтоб распахнуть весною двери,
Услышать май, увидеть клен,

Шагнуть в ручьи, навстречу свету,
В каком-то непонятном сне...
Раз клен срывает листья с веток
Я понимаю — быть весне!

* * *

Влюбляюсь сильно, сразу, с маху.
Лечу, как в омут головой,
И тем расстраиваю маму,
Что я совсем не деловой.
Влюбляюсь в тех, в кого не стоит,
Потом полгода — сам не свой...
Из всех загадочных историй
Загадка в том, что холостой.
Моралей я не отрицаю,
Читаю сам, когда прижмут:
Страница восемь, том тридцатый,
Живите так, как все живут... —
Жены искать не собираюсь,
Боюсь ошибку совершить.
Внутри себя не запираюсь,
Чтобы снаружи не грешить...
Одна беда — влюбляюсь с маху,
А в остальном — сплошной пример...
Все это рассказала мама
Моей теперешней жене.

* * *

Ах, качели!
Все выше, выше...
Из-под ног уходит земля...
Наконец-то такое вышло:
Сердце — вверх, а за сердцем — я!
А напарница: зубы белые,
Брови черные,
Косы — лен...
Что я делаю?
Что я делаю...
Неужели опять влюблен?

* * *

Гюльназа, ты поверь,
Я искать не устану
Те слова, чтобы спеть
О твоём Алатау.
Ослепила меня
Красота твоих гор!
Я приеду сюда
Просто так, через год.
И стихи у подножья
Прочту о любви,
Чтоб растаял твой гордый
И холодный ледник,
Чтоб ударили грозы
По ссохшимся листьям,
Чтобы вспыхнули розы
На склонах скалистых!
Я вернусь сюда, верь мне,
Ну хотя б на неделю...
Ты со смехом ответила:
— Лучше едем в Медео.
Пусть послушают горы
Все, что ты рассказал...

Ты смеешься, а скоро
Я приду на вокзал:
Будут горы торжественно
Сохранять немоту,
Будут смуглые женщины
Излучать красоту!
И, сменяя друг друга,
Побегут поезда...
Я приехал оттуда
И уеду туда —
На предгорье Алтая.
Но ведь это неважно.
Я влюблен в Алатау,
Как в глаза твои влажные!

* * *

Женщина ничем не выделялась
И никто по женщине не сох...
Женщина подолгу одевалась,
Пудрила усталое лицо,
Подводила тщательно ресницы,
Выбирала лучшие духи...
Женщине давно сравнялось тридцать,
К ней давно не ходят женихи.
На работу поднималась рано,
В воскресенье отсыпалась вдоволь.
Но порой в глазах светилась радость,
Забывалась даже участь вдовья:
Вваливались запросто и шумно,
Свертки оставляя у порога,
Парни в авиаторских тужурках,
Запах неба принося с дороги.
Хлопали бутылки беззастенчиво,
Облаком висел табачный дым...
И тогда лицо у этой женщины
Становилось очень молодым.

И она тогда кружилась в вальсе,
Пьяная от дружбы и вина...
И смотрел со стенки штурман Вася,
Радуясь, что кончилась война!

* * *

Есть в любви особая примета:
Откровенный взгляд любимых глаз.
Говорят, что просто слов при этом
Не находит женщина для вас.
Есть еще примета: если любит,
Где б ты ни был — весточка придет.
Говорят, что жить без писем трудно
Женщине, которая вас ждет.
О, какие взгляды я ловил,
И как часто письма шли с приветом!
Было все, но не было любви.
И с тех пор не верю я в приметы.

* * *

Марине

Я помню речку безымянную.
Осоки редкие хвосты...
И, подведенные румянами,
Закатов бледные холсты,
И звезды, в воду погруженные,
И обращенную к реке
Тебя, с глазами отрешенными,
С ромашкой сломленной в руке.

* * *

На рассвете уходила женщина.
Был вопрос исчерпан и решен...
Над кроватью догорал, как жертвенник,
Ночника сиреневый рожок.
Уходила тихо, без улыбки,
Без упреков, слез и суеты...
Даже чай заварен был на плитке,
И стояли свежие цветы.
Удержать жену чего бы стоило!
Все простит. Ведь знал об этом он.
Но звенел на столике настойчиво
Черный, равнодушный телефон.
Он к нему, окурок бросив на пол,
Шел нетвердо, как по кораблю,
Чтоб сказать не той, что было надо:
— Я тебя по-прежнему люблю.

* * *

Улыбнуться никогда не плохо.
Даже если очень тяжело,
Улыбнитесь, потому что просто
Ваше счастье к вам не подошло.
Задержалось где-то ваше счастье,
Но оно придет, поверьте мне.
Улыбайтесь искренней и чаще,
Чтоб светлее было на земле!

САРБАЛИНСКАЯ РАПСОДИЯ

Сарбалинская рапсодия,
Сеновальные стихи...
На меже стоят подсолнухи —
Прогревают лопухи.
Ходят куры как вареные,
С гребешками набекрень,
Ходят удовлетворенные,
Пересиливая лень.
Травы спутаны, некошены.
Ни просвета до межи.
Мне косить пока не хочется,
Я литовку отложил...
До чего же удивительно
В Сарбале на этот счет:
Даже солнышко не движется,
Даже речка не течет!
Мне работать надо, дурню, бы,
А я вовсе не спешу,
Все лежу себе и думаю:
«Вот возьму — и опишу.
Опишу возьму и завтра же,
Или лет так через сто,

Отошлю стихи редактору,
Не поверит ни за что
В то, что солнышко не движется
И что речка не течет...
До чего же удивительно
В Сарбале на этот счет!

ЛЕШИЙ

Когда угасает солнце,
Когда умолкают птицы,
Когда засыпают люди,
Планету свою обняв,
Он молча считает сосны
И все, что им хранится
Включая лягушек в лужах
И лишай на пнях.
День ото дня не легче:
Только расчешешь бороду —
Снова засемили
Звезды по небесам...
На то он по штату и леший,
Хотя между нами, рабочими,
Со дня сотворенья мира
В бога не верит сам.

* * *

Я не знаю, что со мной случилось,
Только много лет уже подряд
По весне, примерно в этих числах,
Я хочу к геологам в отряд.
Видно, не хватает мне доньше
Южных пробуждающих ветров,
Запаха проталин и полыни
И весенних тлеющих костров.
И еще чего-то не хватает,
Потому что чувствую: когда
В городах снега на крышах тают,
Мне тревожно очень в городах!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Этим утром выпал первый снег...
Ненадолго. Он растает скоро.
Я оставил самый первый след.
Ты в то время спал, мой милый город.
Я стоял подолгу у витрин,
Трогал снег руками осторожно,
Словно в Третьяковке, у картин.
Но картины трогать не положено,
А его я брал в свои ладони
И к щекам прикладывал горячим...
Он, конечно, выпал ненадолго,
Но зато он самый
настоящий.

* * *

Лес склоняется
Над кручей.
Дым в ущелье
Затонул...
И тяжелой,
Черной тучей
Ветер небо
Затянул.
Крутит листья
Вереницей,
Да в кустах,
У ручейка,
Тихим посвистом
Синица
Снег зовет
Издалека.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Отец	3
Горновой	4
Конструкторы	6
Изыскатель	8
«Все одинаковы в больницах...»	9
Амурская история	11
«Иные пишут письма длинные...»	13
«Приветствую, приветствую, приветствую...»	14
• «Каждым утром по нашему городу...»	15
«Когда вы совершите подлость...»	16
• «Холодному ветру навстречу лечу...»	17
«Он стоит, математик...»	18
Колесо	20
«Мне как-то осенью спокойней...»	22
«Влюбляюсь сильно, сразу, с маху...»	24
«Ах, качели!..»	25
«Гюльназа, ты поверь...»	26
«Женщина ничем не выделялась...»	28
«Есть в любви особая примета...»	30
«Я помню речку безымянную...»	31
«На рассвете уходила женщина...»	32
• «Улыбнуться никогда не плохо...»	33
Сарбалинская рапсодия	34
Леший	36
«Я не знаю, что со мной случилось...»	37
Первый снег	38
«Лес склоняется над ручей...»	39

-50803-

Иван Николаевич Майский (Мертвецов)

ВЗМАХ КРЫЛА

Стихи

Редактор **И. Киселев**; оформление **Г. Ефремова**; художественный редактор **О. Красова**; технический редактор **Г. Рудина**; корректор **Н. Алексеева**.

* * *

Сдано в набор 14.X.1966 г. Подписано к печати 29.I.1967 г.
Формат 60×84¹/₃₂. Печ. л. 1,16. Уч.-изд. л. 0,86. Авт. л. 0,8.
Q1100086. Тираж 5000 экз. Заказ 7411. Цена 4 коп.

Кемеровское книжное издательство.

Кемерово, Советский проспект, 94.

Типография № 1. Кемерово, Кузнецкая, 9.

Цена 4 коп.

КЕМЕРОВО 1967